

ЖАНР БИОГРАФИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВЛИЯНИЯ

© 2016 г. Е. В. Иванова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 27 октября 2016 г.

Аннотация: В статье рассматривается жанр биографии в европейской культуре, оказавший влияние на формирование биографической традиции в русской литературе. Исток этой традиции заложен в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, под влиянием которых складывалась английская традиция, представленная именами Джеймса Боссуэла, Л. Стречи и др., получившая философское обоснование в трактате Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841). Французская традиция, представленная книгой Г. Тиссандье «Мученики науки», напротив, ставила своей целью на место культа героев утвердить почитание рядовых тружеников науки, которым современная цивилизация обязана техническими достижениями. Подход к биографии как к истории становления духовной личности выдающихся людей представлен в работах В. Дильтея и Г. Зиммеля, работы которых оказали влияние на теоретиков биографического жанра Г. О. Винокура и А. Г. Габричевского.

Ключевые слова: жанр биографии, Плутарх, Дж. Боссуэл, Л. Стречи, Г. Тиссандье, В. Дильтей, Г. Зиммель, Г. О. Винокур, А. Г. Габричевский.

Информация об авторе: Евгения Викторовна Иванова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: evi@l-z.ru

BIOGRAPHY GENRE IN RUSSIAN LITERATURE: EUROPEAN AND BRITISH INFLUENCES

Eugenia V. Ivanova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: October 27, 2016

Abstract: The article examines the development of the genre of biography and life writing that influenced Russian biographical tradition. This tradition stems from Plutarch's *Comparative Biographies* that influenced English life writing represented by such names as James Boswell, Lytton Strachey, and others. Philosophical premises of the English biography genre are to be found in the treatise *Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History* (1841) by Thomas Carlyle. French tradition represented by Gaston Tissandier's book *Science Martyrs* pursued the opposite aim: to honor ordinary scientists and inventors, responsible for the technical advance of the modern civilization. Wilhelm Dilthey and Georg Simmel practiced a different approach to life writing in that they conceived biography as the history of the person's spiritual development. This conception had direct influence on the theorists of biography genre in Russia, G. O. Vinokur, and A. G. Gabrichevsky.

Keywords: biography genre, Plutarch, James Boswell, Lytton Strachey, Thomas Carlyle, Gaston Tissandier, Wilhelm Dilthey, Georg Simmel, V. O. Vinokur, A. G. Gabrichevsky.

Information about the author: Eugenia V. Ivanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: evi@l-z.ru

Генезис биографического жанра в европейской традиции восходит к «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха, «Агриколе» Тацита, «Жизни двенадцати цезарей» Светония и другим памятникам античной культуры. Этой традиции посвящена основополагающая работа С. С. Аверинцева «Плутарх и античная биография», в которой содержится целый ряд чрезвычайно важных постулатов, в первую очередь, указания на истоки традиции жизнеописаний в античной культуре, к которой принадлежал сам Плутарх: «Завоевав биографию для моралистической литературы, он обогатил и самое биографию приемами последней. Отсюда специфическая техника “Параллельных жизнеописаний”, не поддающаяся объяснению из истории античного биографического жанра, но тысячей нитей связанная моралистическо-психологическими интересами Плутарха и идущей от греческой традиции непринужденных и неторопливых философских бесед. <...> Композиция и словесная ткань плутарховских биографий основана прежде всего на принципе свободного ассоциативного сцепления тематических разделов; между тем этот принцип искони был достоянием диатрибы (и тем более диалога). В основе стиля Плутарха лежит интонация доверительной и раскованной беседы автора с читателем. Ключевым моментом, гарантирующим внутреннее единство каждой из биографий и всего сборника в целом, вопреки их стилистической пестроте, является неутомимо поддерживаемая иллюзия живого голоса, зримого жеста и как бы непосредственного присутствия рассказчика» [1, с. 259].

Как следует из работы С. С. Аверинцева, опираясь на традиции философских бесед, Плутарх создал непревзойденные образцы жизнеописаний, став классиком жанра: «Плутарх — “представитель” ан-

тичной биографии постольку, поскольку он есть классик; но для того, чтобы стать классиком жанра, надо превзойти своих товарищей по жанру, а для того, чтобы их превзойти, надо от них хоть чем-нибудь отличаться. <...> По формуле Гете, “все совершенное в своем роде должно выйти за пределы своего рода”. “Выдающееся” по самому смыслу слова *выдается*; выходит из ряда вон — “за пределы своего рода”» [1, с. 10].

С. С. Аверинцев сформулировал и описал основные приемы создания портретных характеристик у Плутарха: «Здесь сделана попытка не только разрисовывать и раскрашивать портрет писателя, сколько порезче прочертить его силуэт и дать к силуэту контрастирующий фон. Читателю предлагается сосредоточиться на самом контуре, на самих границах фигуры — иначе говоря на том, что отграничивает феномен Плутарха-биографа от всего схожего или соседствующего. Этим определены требования, которые предъявлял к своей работе автор. От силуэта не требуют, чтобы он был подробно выписан или чтобы он был трехмерным; от него требуют четкости» [1, с. 5].

Античные жизнеописания послужили образцом жанра биографии для всей европейской культуры на протяжении многих столетий, ориентируясь на которые формировался биографический жанр в отдельно взятых национальных традициях. Возникновение и развитие биографического жанра в каждой из европейских стран протекало своим путем, раньше других биографический жанр получил самостоятельный статус и занял почетное место в английской литературе, на что обратил внимание выдающийся историк литературы Д. Мирский: «Искусство биографии издавна стоит в Англии особенно высоко. Исаак Уолтон, Джонсон, особенно биограф Джонсон Босуэл — в числе самых бесспорных наиболее популярных английских классиков. В новейшее время искусство это особенно культивировалась политическими деятелями — “Жизнь Гладстона”, написанная его любимым младшим сотрудником Морлеем, и “Жизнь лорда Рандольфа Черчилля”, написанная его сыном, небезызвестным Уинстоном, пользуются высокой и заслуженной репутацией. В работах такого рода особенно проявляются характерные качества английского творчества: полное господство над материалом, ясное и простое изложение. Эти качества почему-то обыкновенно принято считать латинскими, тогда как на самом деле они чаще всего встречаются в Англии, где они воспитаны многолетними традициями парламентских споров и серьезного журнализма» [11, с. 75].

Отметим, что под влиянием английских традиций жанр биографии начинал свое победное шествие и в американской литературе, но здесь он оказался тесно связанным с журналистикой и стал центральным для всей литературы и культуры США. Именно став массовым,

биографический жанр обрел глубоко национальные черты: установка на личный успех, лежащий в основе так называемой «американской мечты», повлияла на выбор героя, которым стал человек, эту мечту осуществивший, так называемым *celebrity*, т. е. человек, достигший известности, причем неважно на каких путях и какими средствами. Биография успешного человека в любой из сфер деятельности, от серийного убийцы до влиятельного политического деятеля, оказалась едва ли не самым распространенным чтением, пронизывающим все слои американской культуры, от политики до киноиндустрии. Стала возможной ситуация, когда убийца, о котором долгое время писали газеты, садясь в тюрьму, нанимает журналиста и издает собственную биографию, приносящую при этом доход. В силу агрессивного давления коммерции жанр биографии в американской традиции очень скоро оказался не столько жанром литературы, сколько журналистики.

Возвращаясь к английской литературе, отметим, что к числу бесспорных достижений Д. Мирский относил биографию Джеймса Босуэла «Жизнь Сэмюэля Джонсона», русскому читателю она известна пока лишь частично [2]. Еще менее известны книги биографического жанра критика Л. Стречи, которого Д. Мирский назвал наиболее выдающимся представителем биографического жанра. Стречи, по его мнению, «революционизировал искусство биографии, создав новый вид творческой и художественной биографии — строго держащейся фактов, но избегающей всей бутафории примечаний, источников длинных цитат из дневников и переписки — словом, стремящийся к созданию законченного, замкнутого, сжатого художественного произведения» [11, с. 75]. Биографии Стречи Мирский ставил в один ряд с творениями римских историков: Стречи, утверждал он, «сделал из биографии то, что старые историки умели делать из своих историй», критик выступил на этом поле создателем нового литературного жанра, значение которого Мирский описывал следующим образом: «“Королева Виктория”, как бы ни была верна фактам, — прежде всего книга, т. е. создание искусства в такой же мере, как прежде всего книги и создание искусства “Югурта” и “Катилина” Саллюстия. А раз это так, то и относиться к ним следует как к произведениям искусства, в которых развитие сюжета определяется прежде всего художественной задачей. Историки, особенно историки древности, на практике имевшие дело с историками греческими и римскими, хорошо знают это, и разгадали важность художественных приемов задолго до Виктора Шкловского. Поэтому историки XIX века и боялись художественности, предоставив ее авторам исторических романов и защищаясь от враждебной критики столбцами примечаний и источников. Стречи открыл новый способ писать исторические романы, и способ, кажется, гораздо более занимательный.

Он ничего не выдумывает. Каждое утверждение его, каждая фраза, каждый эпизод имеют под собой солидную почву достоверности. Но он комбинирует, и путем комбинации иногда мельчайших и незаметных деталей он создает из своих героев такие живые и убедительные фигуры, что они могут идти в сравнение с созданиями великих романистов. Искусство индивидуализации у него развито в высшей степени. Путем ряда тончайших приемов он создает вокруг каждого из действующих лиц одному ему свойственную атмосферу, в которой оно и движется. Диккенс и Достоевский достигали этого интонационными приемами в речах своих героев. Стречи не влагает речей в уста своих героев, и приемы его разнообразней и сложнее. Кто раз его прочел, тому уж трудно отделаться от данных им образов Виктории, ее мужа Альберта, ее министров Мелбурна, Пальмерстона, Дизраэли и Гладстона; или героев первой книги: доктора Арнольда, кардинала Мэннинга, ген. Гордона и Флоренс Найтингель. Они уже получили ту убедительность, которую для нас имеют князь Андрей или Федор Павлович Карамазов, и если даже мы уверены, что Стречи их оклеветал, фигура, им созданная, остается неразрушенной» [11, с. 76–77].

Благодаря этим образцовым биографиям этот жанр в английской литературе занял особое место, его принято обозначать как *non-fiction*, однако на европейскую традицию влияние оказали не биографии, написанные Босуэлом и Стречи. По мнению философа Дильтея, о концепции которого нам предстоит сказать далее, определяющее влияние на европейскую традицию оказал английский писатель, историк и философ Томас Карлейль. История жанра биографии в России это подтверждает, ключевое значение для его зарождения имел перевод В. И. Яковенко книги Карлейля “*On Heroes and Hero Worship and the Heroic in History*” («Герои, почитание героев и героическое в истории», 1841), изданный в 1891 г. [7].

В. И. Яковенко писал в предисловии, что культ героев, которому посвятил свою главную книгу Карлейль, родился из его глубокого разочарования в современности, окружающий мир казался ему «беспредельной, мрачной, пустынной Голгофой», а природа — «бесчувственной мельницей смерти». «Мужчины и женщины, с которыми он встречался и даже говорил, кажутся ему безжизненными, автоматическими фигурами; вся вселенная представляется ему лишенной жизни и смысла; ни цели, ни хотений, ни даже вражды не ищите в ней, она чудовищная, неизмеримо громадная паровая машина, безусловно вращающая свои колеса, перемалывающая в порошок все, что попадаете ей» [16, с. 5].

Возрождая культ героев, Карлейль не намеревался противопоставлять их тем, кто ранее служил образцами для подражания, — святым и подвижникам веры. Напротив, Карлейль считал, что эпохи

веры отмечены также и почитанием героев, а в эпохи безверия не существовало и культа героев. Поэтому Карлейль ставил почитание героев и святых в один ряд: «Почитание героя — это есть трансцендентное удивление перед великим человеком. Я говорю, что великие люди — удивительные люди до сих пор; я говорю, что, в сущности, нет ничего другого удивительного! В груди человека нет чувства более благородного, чем это удивление перед тем, кто выше его. И в настоящий момент, как и вообще во все моменты, оно производит оживотворяющее влияние на жизнь человека. Религия, утверждаю я, держится на нем; не только языческая, но и гораздо более высокие и гораздо более истинные религии, известные до сих пор. Почитание героя, удивление, исходящее из самого сердца и повергающее человека ниц, горячая, беспредельная покорность пред идеально-благородным, богоподобным человеком — не таково ли именно зерно самого христианства! Величайший из всех героев есть Тот, Которого мы не станем называть здесь! Размышляйте об этой святине в святом безмолвии; вы найдете, что она есть последнее воплощение принципа, проходящего красною нитью через всю историю человека» [7, с. 24].

В представлении Карлейля герои — великие люди, «*посланные* в этот мир», они возможны только в эпоху веры, в эпохи же, когда люди не хотят верить, не хотят героев, — герои не рождаются. Герой в его представлении был человеком созидательной энергии, к их числу он относил пророка Магомета, Лютера, Данте, Шекспира, Джонсона и Бёрнса. Руссо, Вольтера и Дидро героями он не считал, поскольку их деятельность привела к революции.

Свой век Карлейль называл веком безверия и упадка и потому не имеющим героев, но он сохранял веру, что такой герой в конце концов явится. Свои жизнеописания героев прошлого он и создавал в надежде на рождения новых героев, став в европейской культуре родоначальником традиции героизированных жизнеописаний деятелей политики, литературы, искусства, которых условно можно назвать «светильниками человечества», его благодетелями. Как представляется, Карлейля можно считать даже родоначальником традиции почитания «великих людей» в европейской культуре, человеком, возродившим античную традицию, известную по жизнеописаниям Плутарха и уже упоминавшегося Д. Мирским Саллюстия. Большое влияние оказал он и на формирование жанра биографии в русской литературе XIX в.

Под влиянием Карлейля биографии светских деятелей постепенно наделялись определенной идеологической нагрузкой, обретая черты образца для подражания и действуя в той области, где в средневековой культуре действовали святые и подвижники благочестия. Однако со временем круг людей, причисленных к этому сомну, рас-

ширлся. В число благодетелей человечества попадали не столько основатели моральных учений, способные направить человечество на пути искания истины, сколько люди влияния: короли и политики, усовершенствовавшие земную жизнь человека ученые и изобретатели, путешественники, открывавшие новые земли и первопроходцы, их осваивавшие, т. е. в широком смысле слова создатели современной цивилизации, которая постепенно стала восприниматься как наивысшее достижение свободного от всяких моральных доктрин и наставников человека. Именно в таком своем качестве эта традиция оказала влияние на формирование жанра биографии в целом ряде европейских литератур.

Другая тенденция в почитании героев сложилась под влиянием книги Гастона Тиссандье «Мученики науки» [14], в которой были такие разделы: «Герои труда и мученики научного прогресса», «Завоевание земного шара», «Исследование высших слоев атмосферы», «Открытие системы мира», «Книгопечатание», «Научный метод», «Творцы науки», «Промышленность и машины», «Пароходы и железные дороги», «Врачи», «Наука и отечество», «Рядовые науки». Это новый по существу выбор героев, введение их в круг «великих людей» для Тиссандье носил принципиальный характер: «С самого детства нам толкуют о завоевателях, которым народы обязаны всеми ужасами войны, и в то же время *ничего* не говорят о скромных тружениках, обеспечивающих обществам возможность пользоваться материальными и духовными благами. Мы хорошо знаем, что Ксеркс сжег Афины, что Помпей и Цезарь пролили моря крови на полях Фарсала; но нам почти ничего неизвестно о жизни Эвклида или Архимеда, открытия которых еще до сих пор встречаются так много полезных приложений в повседневной жизни. Однако своей цивилизацией мы обязаны не полководцам и завоевателям, а этим великим работникам всех стран и всех времен. Они оставили нам в наследие вертоград, который возделывался ими в течение многих веков, — мы собираем плоды, семена которых впервые были брошены ими. “Из всех имен, которым посвящено общественное внимание, — говорит Жоффруа-Сент-Илер, — нет и, поистине, не может быть более славных, чем имена великих подвижников знания”. Действительно, разве не имеют права на признательность эти герои труда, эти ученые, эти исследователи, писатели, философы, завещавшие нам сокровища науки? Сколько плодотворных поучительных указаний, сколько драгоценных примеров находим мы в истории их жизни, их борьбы с невзгодами, затраченных ими усилий! Если мы желаем знать, как совершаются великие деяния, посмотрим, как работают эти люди, взглянем на их энергию и непреклонность, которую они обнаруживают. <...> Послушаем Ньютона и он нам скажет, что он сделал свои

открытия, “постоянно думая о них”. Бюффон воскликнет: “гений — это терпение”. Все повторят то же самое. Труд и настойчивость — их девиз. “Время и терпение превращают тутовый лист в шелк”, гласит индийская поговорка. Ньютон пятнадцать раз пересоставлял свою Хронологию, прежде чем нашел ее удовлетворительной. Микеланджело трудился постоянно, наскоро ел и иногда вставал по ночам, чтобы приниматься за работу. В течение сорока лет Бюффон ежедневно проводил за письменным столом пять часов утром и пять часов вечером. Монтескье, говоря об одном из своих произведений, сказал какому-то своему другу: “Вы прочтете эту книгу в несколько часов, но уверяю Вас, что труд, которого она мне стоила, убелил мою голову сединами”. <...> “Кто утверждает, что можно сделать что-нибудь без труда и заботы, — сказал Франклин, — тот развратитель”» [14, с. 1–3].

Именно Тиссандье впервые поставил «скромных тружеников науки» на одну доску с «великими людьми» и героями, что сыграло большую роль в развитии этого жанра. Книгой Тиссандье зачитывался в юности Валерий Брюсов, признававшийся позднее: «Я выучивал биографии великих людей наизусть. Тогда также интересовался я биографиями, помещенными в журнале “Игрушечка”, который мне выписывали. С этого времени в своих играх я стал воображать себя то путешественником в неизведанных странах, то великим изобретателем. Очень любил я изображать летательный аппарат. Строил его из книг и деревяшек и летал с ним по комнатам. Столы и комоды были горы, а пол — море, где я часто терпел крушения, попадал на необитаемый остров — ковер, жил по-робинзоновски и т. д. С этого же времени я стал мечтать о своей будущности как о будущем великого человека, и меня стало прельщать все неопределенное, что есть в гибком слове “Слава”» [3, с. 17]. В творчестве Брюсова увлечение книгой Тиссандье нашло несомненное отражение во многих его стихах, воскрешающих образы великих людей, в частности, в цикле стихов «Любимцы веков», но это тема биографии Брюсова.

Тиссандье одним из первых столь последовательно провозглашал в качестве образца всех тех, кого можно назвать создателями и движущими силами современной цивилизации. Книги Карлейля и Тиссандье оказались важным этапом в поисках новых кумиров, происходивших на фоне секуляризации общества и попыток силами литературы выработать новые руководящие жизненные начала.

* * *

В другом направлении происходило формирование биографического жанра в немецкой философской мысли конца XIX — начала XX вв. Как теория жанра, так и его наиболее законченный образец

были созданы в Германии одним и тем же лицом — Вильгельмом Дильтеем, автором классической биографии «Жизнь Шлейермахера» (1870), одновременно посвятившим теоретическим аспектам биографии несколько параграфов своей работы «Наброски к критике исторического разума» [9], которую он называл опытом создания «теории познания истории» [9, с. 240].

Дильтей утверждал, что познание исторической действительности и ее оценки — метафизические, психологические, нравственные и художественные, — имеют своим предметом познание жизни, взятой в историческом аспекте и связанной с понятием временности; смысл которой для него заключен в выражении «течение жизни» [9, с. 241]. В сфере изучения наук о духе Дильтей разделял биографию и автобиографию, которую он называл особым видом «субъектов высказываний об историческом мире», «непосредственных выражений осмысления жизни». Наиболее законченными образцами автобиографии для него служили «Исповедь» Бл. Августина, «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо и «Поэзия и правда» И.-В. Гёте, эти книги Дильтей называл «наиболее типичными историческими формами» осмысления жизни. Можно только сожалеть, что Дильтей не был знаком с «Жизнью протопопа Аввакума», полностью подходящим под определение автобиографии.

Каждая из этих автобиографий, с точки зрения Дильтея, имела свою идейную доминанту: «Исповедь» Бл. Августина была «ориентирована на постижение взаимосвязи его существования с Богом», поэтому «понимание им своей жизни осуществляется благодаря отнесению ее отдельных звеньев к реализации абсолютной ценности» [9, с. 246]. «Исповедь» Руссо была подчинена задаче «показать правомерность своего духовного существования», добиться признания своей правоты [9, с. 247]. Наконец, Гёте в «Поэзии и правде» рассматривал свое существование «универсально-исторически», «во взаимосвязи с литературным движением своей эпохи» [9, с. 247].

Основываясь на этих примерах, Дильтей определял жанр автобиографии как «осмысление человеком своего жизненного пути, получившее литературную форму» [9, с. 249], и как «высшую и наиболее поучительную форму, в которой нам представлено понимание жизни» [9, с. 248]. Автобиографию он рассматривал так же как «наиболее совершенную экспликацию» постижения и истолкования собственной жизни, поскольку в ней «осознается человеческий субстрат, а также те исторические отношения, в которые она вплетена». При наличии связи автора («человеческого субстрата», по терминологии Дильтея) с историей перед автобиографией открывалась возможность «развернуться в историческое полотно» [9, с. 252], т. е. в биографию.

Соотношение автобиографии и биографии Дильтей определял следующим образом: «...автобиография — это литературное выражение, размышление индивида о ходе своей жизни. Но в том случае, когда размышление о собственной жизни переносится на понимание жизни другого человека, возникает биография как литературная форма понимания чужой жизни» [9, с. 296]. С этой точки зрения познавательное значение биографии «для понимания великой взаимосвязи исторического мира» выше, чем автобиографии, поскольку в ней «обретается изначальная взаимосвязь между самой жизнью и историей» [9, с. 296–297].

Итак, в отличие от автобиографии биография для Дильтея имела иное теоретико-познавательное значение, которое определяется тем, «включается ли биография в качестве части в состав исторической науки или же она существует вне ее, занимая во взаимосвязи наук о духе особое и самостоятельное место». Познавательное значение биографии определялось для него тем, насколько ее создание строилось «как общезначимое решение научной задачи», насколько материалы, на которых она основывалась, — документы, «письма и другие сообщения личного характера», — позволяли «понять тот комплекс воздействий, в рамках которого индивид определен своей средой и реагирует на нее» [9, с. 295].

Дильтей признавал возможность существования биографии и как художественного произведения, в этом качестве она «уже подготовлена романом» [9, с. 300]. Такого рода биографии могли возникнуть в том случае, если повествование в ней обращено к историческому времени, способно «найти такой исходный пункт, который позволил бы расширить общеисторический горизонт, сохранив, тем не менее, центральное положение этого индивида в рамках некоторого комплекса воздействий», т. е. «художественная форма биографии применима лишь к историческим личностям», поскольку «только они способны стать такого рода центральным пунктом» [9, с. 299].

По мнению Дильтея первым, кто осознал значение биографии как способа изучения истории нравов, был Карлейль, благодаря составленным им жизнеописаниям великих людей художественная биография получила новое значение. Свою роль в изучении истории нравов сыграли также идеи Якова Буркхарда об «основаниях отдельных целостных культур», «История Англии» как история нравов Т. Б. Маколея и труды братьев Гримм [9, с. 300].

Наиболее известным последователем Дильтея был Георг Зиммель¹, известность которому принесли книги о Канте, а также исследование «Шопенгауэр и Ницше», в которых главное внимание уделялось анализу духовного мира философов.

¹ Георг Зиммель (1858–1918) — немецкий философ-кантианец, социолог и культуролог, основоположник «формальной социологии».

В отклике на выход первого немецкого издания биографии Гёте Зиммеля С. Л. Франк отметил новаторский подход к жанру биографии: «Метод Зиммеля состоит в том, что он берет духовную личность мыслителя и с помощью тонкого расчленения и переплетения отвлеченных идей обрисовывается духовные мотивы, определяющие творчество данного мыслителя — мотивы, в отношении которых и отвлеченное содержание философских систем, и биографические факты личной жизни суть как бы лишь производные и более и менее искаженные проявления, нуждающиеся в очищающем и объединяющем истолковании посредством психологической интуиции» [15, с. 32].

Франк назвал книгу Зиммеля духовной биографией, поскольку основное внимание Зиммель уделял духовной личности писателя и духовным мотивам, которыми обусловлено его творчество: «Зиммель открыл искусство рисовать литературные портреты не через художественное воссоздание черт личности, а через раскрытие ее внутреннего содержания в тонкой и ясной мозаике отвлеченно-логического оформления элементов» [15, с. 32]. Интерес Зиммеля «всцело направлен на многообразие субъективно-духовных корней всех философских проблем и их решений. Его сфера есть то, что в самом точном смысле может быть названо “трансцендентальной психологией”, психология духовных мотивов, анализ всего многообразия тех “точек зрения” и “позиций”, с которых сознание, субъективная природа духа реагирует на объективный материал бытия, приспособляет его к себе и тем самым его “оформляет»» [15, с. 33–34]. За таким подходом к жанру биографии, по мысли Франка, стоял новый тип мировоззрения, характерный для философии рубежа конца XIX — начала XX вв. Но, как метод создания биографии, он имеет свои ограничения: на его основе можно достичь лишь частичного понимания явления Гёте, «подобное истолкование рискует стать поводом для личного исповедания истолкователя» [15, с. 33–34].

Рецензия Франка 1913 г. была первым откликом на книгу Зиммеля «Гёте» в России, настоящий интерес к его работам проявился в деятельности Философской секции ГАХН (Государственной академии художественных наук) [8]. В рамках академии существовал Философский отдел, где в октябре 1925 г. была организована Комиссия по изучению искусства, одно из направлений работы которой специально было посвящено «проблеме изображения личности в искусстве (портрет, биография, характеристика личности в беллетристике, музыке, архитектуре и т. д.)» [4, с. 28]. Подробными сведениями о работе Комиссии мы не располагаем, но на некоторые ее результаты хотелось бы обратить внимание. Благодаря деятельности Комиссии

появился русский перевод «Гёте» Г. Зиммеля, выполненный А. Г. Габричевским², изданный тиражом в 1000 экземпляров и ныне совершенно забытый [10].

Книга Зиммеля приобрела основополагающее значение в работе Философского отдела ГАХН, на основе ее методологии была предпринята попытка создания теории биографии. Во вступительной статье к своему переводу Габричевский писал: «Литературный жанр, к которому принадлежит книга Зиммеля, совершенно особого рода. Это не историко-литературное исследование произведений Гете, не биография в обычном смысле. Это попытка интерпретации, сведения к одному смысловому пункту и творений автора, и фактов его жизни, и его характера, и изменчивых эпох его развития» [6, с. 6]. Действительно, книга Зиммеля являет собой весьма непривычный тип биографии, ее можно назвать «небиографичной биографией». Цель своей работы Зиммель сформулировал следующим образом: «Задача этой книги не биографична и не направлена на истолкование или оценку Гетевской поэзии. Я ставлю себе вопрос: *каков духовный смысл Гетевского существования вообще*. Под духовным смыслом мною разумеется отношение Гетевского бытия и слова к таким основным категориям, как искусство и интеллект, практика и метафизика, природа и душа, и то развитие, какое эти категории получили через него. Я имею в виду некоторые последние свойства и двигатели его духовности, формирующие и его мирозерцание, я имею в виду “пра-феномен” Гете, который едва ли до конца воплотился в каком-нибудь единичном своем проявлении, но тысячекратно преломляется во всех его противоречивых, намекающих чрезвычайно многообразно дистанцированных высказываниях и намерениях <...> Книга эта — полная противоположность тому типу исследования, которое можно было бы озаглавить: Жизнь и Творения Гете. Здесь имеется в виду нечто третье: чистый смысл, ритмика и значительность той сущности, которая вылилась частью в личной жизни и ее развитии во времени, частью — в объективных достижениях» [10, с. 9].

Издание биографии «Гёте» Зиммеля в ГАХНе ставило задачу не столько пропаганды его наследия, сколько атаки на господствующие подходы к жанру в русской культуре, о которых Габричевский писал: «Обычно принято или писать фактическую биографию, хронологически нанизывая одно событие за другим, или делать широкие сравнительно-литературные обследования сюжетов, исследуя характер и взаимодействие изображаемых лиц, или уходить в чисто-формальные и стилистические обследования, все это, может быть, и нужно,

² Александр Георгиевич Габричевский (1891–1968) — советский историк и теоретик пластических искусств, искусствовед, литературовед, переводчик, доктор искусствоведения.

но нередко из прочтенной биографии не вытекает ни стиль автора, ни его вкус к выбору сюжетов и изображаемого, — в биографии нет “литературы”. И, наоборот, формальные анализы нередко лишены личного, биографического и экспрессивного акцента, и потому возникает “литература” без писателя. Жанр, избранный Зиммелем, интересен в том смысле, что, сохраняя везде живую социальную личность, объективированную в литературе, заставляет по-новому понимать сами литературные произведения» [10, с. 7]. То есть биография Зиммеля его последователями в ГАХН выдвигалась как некоторый образец нового подхода к жанру биографии в целом.

На тех же самых заседаниях Философской секции ГАХН, где переводилась и обсуждалась биография Гете, родилась гораздо более известная и неоднократно переиздававшаяся работа Г. О. Винокура «Биография и культура» [5], наряду с рецензией Франка и предисловием Габричевского она также может быть названа опытом популяризации теоретических представлений Зиммеля о биографии.

Винокур также критиковал представление о биографии как о совокупности достоверно известных фактов жизни писателя, он утверждал, что научная биография не должна превращаться в «жизнеописание», фактографию, а должна включать в себя историю духовной жизни писателя, главная тема биографии по Винокуру «жизнь человека в истории», в ней история и жизнь должны рассматриваться как «динамическое целое» [5, с. 33], и личная жизнь раскрывается в контексте «социальной действительности» [5, с. 35]. Биография должна стать осмыслением «модификации личности в развитии».

Винокур рассматривал жанр биографии исключительно в теоретическом аспекте, никогда не делал попыток самостоятельно выступить в этом жанре и создать некий образец биографии, в своей работе «Биография и культура» он ни разу не ссылаясь на уже существующие биографии ни в отрицательном, ни в положительном смысле. Зиммель также ни разу не был упомянут им ни в качестве источника теоретических идей, касающихся жанра биографии, ни в качестве создателя книг этого жанра. В своих последующих работах Винокур ни разу к проблемам биографии не возвращался. Но, поскольку у литературоведов его работа «Биография и культура» приобрела популярность, можно сказать, что восходящие к Дильтею теоретические идеи анонимно проникли и в наше литературоведение. В качестве примера использования этих идей можно привести монографию В. В. Мусатова об Анне Ахматовой, во многом основанную на идеях Г. О. Винокура. Мусатов занят здесь поисками ответа на вопрос, «как биография Ахматовой встроена в стихи и что из нее извлечено творчески» [13, с. 11–12].

Возможно не без влияния работы Г. О. Винокура «Биография и культура» сформировался жанр духовной или интеллектуальной

биографии, раскрывающей в первую очередь духовные искания творческой личности, и само представление о том, что именно в этом состоит главная задача биографии. Именно такое представление в свое время развивал А. В. Михайлов в статье «Биографии философов: героические и человеческие», посвященной изданным в серии «Жизнь замечательных людей» биографиям немецких философов Гегеля, Канта и Шеллинга, автором которых был Арсений Гулыга. Михайлову позднее предстояло стать редактором и переводчиком сочинений Дильтея, но ссылок на его работы о биографии в этой статье о биографиях философов не было, возможно тогда они не были ему известны. Однако книги А. Гулыги Михайлов наделяет именно чертами интеллектуальной биографии совершенно в духе идей Дильтея и Зиммеля: «Писатель не объясняет, а как бы просто показывает работу человеческой мысли — *высвечивает* ее, работу. Это удастся, потому что герои ему помогают, точно подходят для роли — великие философы, напряженная мысль... Отказ от старых канонов философских биографий продиктован нынешними нашими ожиданиями и потребностями. Вот почему я так уверенно говорю, что забота о судьбах культуры — важнейший импульс трех книг о философах. Забота эта чувствуется здесь постоянно. Думаю также, что литератору — молодому или опытному — с иных позиций не стоит и браться за работу в биографическом жанре. <...> Их автору удастся не только раскрыть внутренние ритмы философской мысли, но и показать, как мысль изменяет самой себе, как философ срывается с покоренной было вершины, как потом достигает новых высот. Как философ теряет время — месяцы, годы — бесплодно. Как он в самой жизни то высок, то странен, чудаковат, то просто мелок. При этом автор не забывает пушкинского предостережения, что обыватель жаден до “нечистых” подробностей жизни великого человека, утешаясь, что и великий бывает так же мелок, ничтожен, как он, обыватель: нет, не так, настаивал Пушкин, *иначе*.<...> Именно поэтому в авторе подобных биографий должны быть соединены философ и писатель: требуется особая чуткость к художественным элементам философской мысли, творчества философов. Художественность не чужда философии, хотя это нередко ставится под сомнение.<...> *Исследовать* мысль, а не просто собирать урожай философских “взглядов”, — значит, углубляться в творческую лабораторию мыслителя, добираться до истоков мысли, где в ней еще заложены самые разные возможности: и поэзии, и отвлеченной философии, и, может быть, романа... Принцип, положенный в основу биографических книг Гулыги, видится мне и “современным”, но более — *своевременным*: своевременно в этом случае все, что позволяет просматривать мысль философа на широком жизненном фоне. Представьте себе человека, совершенно не посвященного ни в какую

философию: если он прочтет “Шеллинга” Гульги, то неведомый ему прежде Шеллинг войдет в его сознание живым образом. И после, даже если содержание книги “по букве” забудется, Шеллинг не забудется — как живой — и выдающийся! — участник мировой истории. Стало быть, сохранится в памяти, быть может, самое важное из содержания книги» [12, с. 183–185].

Задача биографа философов, по мнению А. В. Михайлова, «раскрыть внутренние ритмы философской мысли», а не описывать совокупность известных фактов его жизни. В таком понимании жанра нельзя не видеть представление о биографии, сложившееся в немецкой традиции и восходящее к идеям Дильтея и Зиммеля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: Наука, 1973. 279 с.
- 2 *Боссуэлл Дж.* Жизнь Сэмюэля Джонсона. Отрывки из книги. С приложением избранных произведений Сэмюэля Джонсона / сост., перевод и примеч. А. Ливерганта. М.: Текст, 2003. 188 с.
- 3 *Брюсов В.* Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1927. 152 с.
- 4 Бюллетени ГАХН / под ред. проф. А. А. Сидорова. М.: ГАХН, 1925. Вып. 2–3. С. 28.
- 5 *Винокур Г. О.* Биография и культура. М.: ГАХН, 1927 (Труды Гос. Академии худ. наук. Философский отдел. Вып. 2). 87 с.
- 6 *Габричевский А. Г.* От редакции // *Зиммель Г. Гете* / пер. А. Г. Габричевского. М.: ГАХН, 1928. 264 с.
- 7 Герои и героическое в истории: Публ. беседы Томаса Карлейля: С прил. ст. переводчика о Карлейле / пер. с англ. В. И. Яковенко. СПб.: Ф. Павленков, 1891. 352 с.
- 8 Густав Шпет, ГАХН и интеллектуальная среда 1920-х гг. // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год / под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М.: Модест Колеров, 2009. Вып. 8. 672 с.
- 9 *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе / пер. под ред. В. А. Куренного // *Дильтей В.* Собр. соч. / под общ. ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. М.: Три квадрата, 2004. Т. III. 418 с.
- 10 *Зиммель Г. Гете* / пер. А. Г. Габричевского. М.: ГАХН, 1928. 264 с.
- 11 *Мирский Д.* Искусство биографии (Литтон Стречи) // *Мирский Д.* О литературе и искусстве. Статьи и рецензии 1922–1937. М.: НЛО, 2014. 616 с.
- 12 *Михайлов А. В.* Биографии философов: героическое и человеческое. Диалог с философствующим читателем // Литературное обозрение. 1984. № 6. С. 179–186.
- 13 *Мусатов В. В.* «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М.: Словари.ру, 2007. 495 с.
- 14 Тиссандье Г. Мученики науки. М.: Капитал и культура, 1995. 264 с.
- 15 *Франк С. Л.* Зиммель и его книга о Гете // Русская мысль. 1913. № 3. С. 32–36.

16 Яковенко В.И. Несколько слов о Томасе Карлейле // Герои и героическое в истории: Публ. беседы Томаса Карлейля: С прил. ст. переводчика о Карлейле / пер. с англ. В.И. Яковенко. СПб.: Ф. Павленков, 1891. С. I–XVI.

REFERENCES

1 Averintzev S.S. *Plutarh i antichnaya biografiya: K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Πλούταρχος and ancient biography: on the place of the classic of the genre in the history of the genre]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 279 p. (In Russ.)

2 James Boswell. *Zhizn' Semuelya Dzhonsona. Otryzki iz knigi. S prilozheniem izbrannykh proizvedenij Sehmyuehlya Dzhonsona*. Sost., transl. i primech. A. Liverganta [Life of Samuel Johnson. Excerpts from the book: with selected writings of Samuel Johnson in the attachment. Ed., transl., and notes by A. Livergant]. Moscow, Tekst Publ., 2003. 188 p.

3 Bryusov V. Iz moej zhizni. Moya yunost'. Pamyati [From my life. My youth. Memoirs]. Moscow, M. & S. Sabashnikovyh Publ., 1927. 152 p. (In Russ.)

4 *Byulleteni GAHN* [Bulletins of GAHN], ed. prof. A.A. Sidorova. Moscow, GAHN Publ., 1925, issues 2–3, p. 28. (In Russ.)

5 Vinokur G.O. *Biografiya i kul'tura* [Biography and culture]. Moscow, GAHN Publ., 1927. Issue 2. 87 p. (Trudy Gos. Akademii hud. nauk. Filosofskij otdel. Vyp. 2). (In Russ.)

6 Gabrichevsky A.G. Ot redakcii [From the editor]. Zimmel' G. *Transl. A. G. Gabrichevskogo* [Goethe. Transl. A. G. Gabrichevsky]. Moscow, GAHN Publ., 1928. 264 p. (In Russ.)

7 *Geroi i geroicheskoe v istorii: Publ. besedy Thomas Carlyle: S pril. st. perevodchika o Karlejle, Transl. s angl. V.I. Yakovenko* [On Heroes, hero-worship, and the heroic in history: Publication of Thomas Carlyle's conversations. With translator's introduction. Trans. V.I. Yakovenko]. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ., 1891. 352 p.

8 Gustav Shpät. GAHN i intellektual'naya sreda 1920-h gg. [GAHN and intellectual milieu of the 1920s]. *Issledovaniya po istorii russkoj mysli: Ezhegodnik za 2006–2007 god, Pod red. M.A. Kolerova i N.S. Plotnikova* [Studies in the Russian intellectual thought. Annual. Eds. M.A. Kolerov and N.S. Plotnikov]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2009. Issue 8. 672 p.

9 Wilhelm Dilthey. Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe [Einleitung in die Geisteswissenschaften]. Transl. pod red. V.A. Kurenogo. *Dil'tej V. Sobr. soch., Pod obshch. red. A. V. Mihajlova i N. S. Plotnikova* [Trans. under the ed. of V. A. Kurenoy. W. Dilthey: col. of works. Eds. A. V. Mikhailov and N. S. Plotnikov]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2004. Vol. III. 418 p.

10 Georg Simmel. *Goethe. Transl. A. G. Gabrichevskogo* [Goethe. Transl. A. G. Gabrichevsky]. Moscow, GAHN Publ., 1928. 264 p.

11 Mirsky D. *Iskusstvo biografii (Litton Strechi)* [Art of Biography]. Mirskij D. *O literature i iskusstve. Stat'i i recenzii 1922–1937* [On Literature and art. Essays and reviews, 1922–1937]. Moscow, NLO Publ., 2014. 616 p. (In Russ.)

12 Mikhailov A.V. *Biografii filosofov: geroicheskoe i chelovecheskoe. Dialog s filosofstvuyushchim chitatelem* [Philosophers' biographies: the heroic and the human. Dialogue with a philosophical reader]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review], 1984, no 6, pp. 179–186. (In Russ.)

13 Musatov V.V. “*V to vremya ya gostila na zemle...*”. *Lirika Anny Ahmatovoj* [“That time I was a guest on earth...” Anna Akhmatova’s poetry]. Moscow, Slovari.ru Publ., 2007. 495 p. (In Russ.)

14 Gaston Tissandier. *Mucheniki nauki* [Les martyrs de la science]. Moscow, Kapital i kul’tura Publ., 1995. 264 p.

15 Frank S.L. Simmel’ i ego kniga o Göte [Simmel and his book on Goethe]. *Russkaya mysl’* [Russian thought], 1913, no 7, pp. 32–36.

16 Yakovenko V.I. Neskol’ko slov o Tomase Karlejle [A few words about Thomas Carlyle]. *Geroi i geroicheskoe v istorii*: Publ. besedy Tomasa Karlejlya: S pril. st. perevodchika o Karlejle, Transl. s angl. V.I. Yakovenko [On heroes, hero-worship, and the heroic in history. Publication of Thomas Carlyle’s conversations. With translator’s introduction. Trans. V.I. Yakovenko]. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ., 1891, pp. I–XVI.